
Мурзилка
XX 63/11
№ 1
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
ЯНВАРЬ
1945

21 января 1924 года умер

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

ПАРТИЯ ВЕДЁТ

Знамя с чёрною каймою
Ветер развевает,
Горе-горькое на площадь
Людей созывает.
И на зов печальный люди
Собралися разом,
И на площади народу —
Не окинешь глазом.

Коммунисты, комсомольцы,
Старики и дети...
Знамя с чёрною каймою
Развевает ветер.
Мы пришли сюда, на площадь,
Молвить наше слово,
Помянуть отца и друга —
Ильича родного.

Мы пойдём, товарищ Ленин,
По твоим заветам,
Правда Ленина шагает
По всему по свету.
Спи, Ильич! Живёт и крепнет
Партия родная!
Нас ведёт она, как прежде,
И дорогу знает.

Перевел с украинского М. Исаковский

МОСКВА

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

Слава нашей стороне!
Слава русской старине!
И про эту старину
Я рассказывать начну.
Этой были сотни лет,
Хочешь—слушай, хочешь—нет!

1
О ЛЕСНЫХ ДЕБРЯХ И О ДИКИХ ЗВЕРЯХ

Над Москвой-рекой, на круче,
Где стоит наш Кремль теперь,
Был когда-то бор дремучий,
А в бору водился зверь.
Много было в дебрях бора
И волков и медведей.
Опускались на озёра
Стаи уток, лебедей.
Коршун вился над лугами,
И лосиною тропой
Зверь с могучими рогами
Выходил на водопой.
Человек был гостем редким
На реке, в глуши лесной.
Но однажды наши предки
Появились там весной.
То ль в ладьях они приплыли,
То ль верхами, то ль пешком,
Посидели, обсудили,
Осмотрели всё кругом
И решили: места много,
Водный путь, и край богат.
Помолились люди богу
И построили посад.

2

О ПЕРВОМ КРЕМЛЕ, ПОСТРОЕННОМ В ТЫСЯЧА СТО СОРОК СЕДЬМОМ ГОДУ

Вот он, первый Кремль сосновый,
За бревенчатой стеной.
Так родился город новый,
И назвался он Москвой.
На пригорке—деревушка,
Кучка княжьих теремов,
Деревянная церквушка
Да десятка два домов.
Вот как выглядел посад
Восемь сотен лет назад.

3

О ТОМ, КАК ЖИЛИ НАШИ ДЕДЫ

Трудно люди побеждали
Непролазные леса,
Вырубали, корчевали
И творили чудеса.
Появились у медведей
Очень шумные соседи.
Провели они дороги.
Что ни шаг, то дом да двор.
Из насиженной берлоги
Зверь уходит дальше в бор,
И под стенами Кремля
Пашут пахари поля.
Пашут землю наши деды
Деревянною сохой,
А садятся в час обеда—
Хлеб едят, и не плохой!
Водят скот и рыбу ловят,
Добывают воск и мёд,
Срубы новые готовят...
И Москва растёт, растёт.

(Продолжение следует.)

Морской охотник

Повесть

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ *Рис. М. БУГРОВОЙ*

Раненый краснофлотец

Жила-была девочка Катя.

Но прежде нужно рассказать о девочке Лиде, её лучшей подруге. Лида жила вместе со своей мамой Марьей Васильевной и маленьким братом Петей. Жили они в городе, на берегу моря.

Описать этот город очень трудно, потому что была ночь, а южной летней ночью ничего не видно. В полной тьме раздавался однообразный грохот — это тяжёлые морские волны били в береговые утёсы. Ни одно окно не светилось: шла война, и враг вот уж пять месяцев стоял под самым городом, и на всех окнах были плотно закрыты ставни. Только изредка на северо-западе, где пролегал фронт, небо озарялось внезапной вспышкой артиллерийского выстрела, и при свете её на мгновенье выступали из тьмы пустые улички, круто сбегавшие к морю.

По одной из этих уличек шёл человек.

Он шёл очень медленно, придерживаясь рукой за каменные ограды садов, за стены домов. Каждый шаг был ему мучительно труден, дыханье с хрипом и свистом вырывалось из его горла. Он был тяжело ранен в грудь, но помнил, что ему надо итти, и упорно шёл всё вниз да вниз, туда, где невидимый во мраке мол врезался в море.

Боли он почти не чувствовал, ему только хотелось пить. Ему нестерпимо хотелось пить, и он думал, что если он сейчас не напьётся, он никогда не дойдёт до мола. Внезапно рука его коснулась деревянной калитки. И он решил войти в калитку, отыскать дверь, постучать и попросить воды.

Он шагнул за калитку и вдруг упал. Он упал на спину. Над ним были большие яркие звёзды южной ночи. Но он не видел этих звёзд, потому что потерял сознание.

А звёзды медленно двигались. Потом взошла луна, ущербная,— узенький серп. Потом побледнела луна, побледнели звёзды. Солнечный свет вспыхнул на вершинах гор. И при свете утра стало видно, что раненый лежит на дворе перед маленьким домиком.

В маленьком домике первым проснулся Петя. В комнате было темно, но сквозь узенькие щёлки ставен уже лился малиновый солнечный свет. Лида и Марья Васильевна ещё спали. Петя зашевелился у себя на сундучке и прежде всего нащупал рядом на стуле свою рогатку, — здесь ли она? Потом, с рогаткой в руке, сел и осмотрел комнату.

Пол комнаты был уставлен корзинами, тюками, чемоданами, и Петя сразу вспомнил, что сегодня они уезжают. Марья Васильевна боялась оставаться с детьми в городе под обстрелом, и боялась ехать неизвестно куда, в чужие края, и долго плакала, решившись на отъезд. Но Петя ждал отъезда с нетерпением — не потому, что боялся снарядов, а потому, что они поедут до станции на машине.

Вспомнив, что сегодня за ними заедет машина, он слез с сундучка и оделся. Может быть, машина уже стоит во дворе? С рогаткой в руке Петя открыл дверь и вышел во двор.

Машины на дворе не было. Были одни только заросли чертополоха, казавшиеся Пете высокими, как лес. Петя пошёл по тропинке — посмотреть, нет ли машины за калиткой. И вдруг увидел человека, который лежал на спине, подмяв под себя поломанные стебли чертополоха.

Он лежал на спине, и ноги его в чёрных широких брюках были странно раскинуты. Краснофлотец! Петя сразу заметил его сбившийся в сторону голубой воротник. Краснофлотец лежал неподвижно. Петя остановился и долго смотрел на него. Потом подошёл к краснофлотцу, склонился над ним и заглянул ему в лицо.

Лицо было молодое, смуглое, крепкое. Брови густые и чёрные, бледные губы сжаты, глаза закрыты. Петя подумал, что человек этот спит. Он подождал немного, не откроются ли глаза. Но глаза не открылись. Тогда Петя присел на корточки и осторожно ткнул его рогаткой в щёку.

Краснофлотец не двинулся, глаза попрежнему были закрыты. Пете вдруг стало страшно. С громким криком вбежал он в дом.

Лида уже встала и одевалась. Марья Васильевна вскочила с постели. Сначала они обе подумали, что с Петей что-то случилось. Но, видя, что он цел, выскочили во двор.

— Ох! — сказала Марья Васильевна.

Она была полная, пугливая женщина и всегда охала, когда её что-нибудь поражало. Она сразу опустилась рядом с раненым краснофлотцем на колени и взяла его за руку.

— Что с вами? — спросила она. — Встаньте, пожалуйста. Попробуйте встать...

Краснофлотец не шевельнулся. Тогда она осторожно взяла его за плечи, чтобы посадить.

Но пальцы её попали во что-то липкое, и она сразу отдёрнула руки.

— Ох, — проговорила она испуганно, — кровь!

И вдруг закричала на Лиду:

— Что же ты стоишь? Его отнести надо.

Лида взяла его за ноги, Марья Васильевна — за плечи; они подняли его и понесли в дом. Голова его повисла. Он показался Лиде ужасно тяжёлым; у неё подгибались колени, когда она несла его. Петя подобрал бескозырку, валявшуюся в чертополохе, и понёс её, осторожно держа за край.

Когда раненого положили на кровать Марьи Васильевны, он вдруг застонал и открыл глаза. Губы его слегка шевельнулись. Марья Васильевна нагнулась к его лицу и услышала:

— Воды...

Раненый пил долго, медленно. Потом вдруг посмотрел внимательно на Марью Васильевну и сказал:

— Передайте Королькову: когда свет горит, она в бухте...

— Что? Что?

Но он уже закрыл глаза.

— Что это он говорит, мама? — спросила Лида.

— Это он так... бредит... — сказала Марья Васильевна. — Подай мне бинт, я сделаю ему перевязку.

В саду Дракондиди

В этом городе жила-была девочка Катя.

Удивительная девочка! Конечно, все думали, что она самая обыкновенная девочка, и одна только Лида знала, что она удивительная.

До войны Катя с отцом и матерью жила на другом берегу, у самого моря, там, где теперь были немцы. Когда началась война, отец её ушёл на фронт, а она с матерью переехала сюда, в город. Мать её поступила на службу в военную прачечную, — стирала бельё красноармейцам и была весь день занята, — а Катя стала учиться в той школе, где училась Лида. И они подружились.

Особенно много времени стали они проводить вместе, когда занятия в школе кончились. Они бродили вдвоём по опустевшему, полуразрушенному городу; Катя рассказывала, а Лида слушала. Чаще всего рассказывала Катя про море и корабли. И всегда в её рассказе была какая-нибудь тайна, потому что больше всего на свете Кате нравились рассказы с тайнами.

Лида очень любила Катю и не хотела уезжать, пока Катя оставалась в городе. Она даже говорила об этом вчера со своей мамой. Но Марья Васильевна только рассердилась и сказала:

— Не пропадать же нам всем из-за твоей Кати!

Когда у себя на дворе они нашли раненого краснофлотца, Лида захотела сразу же рассказать о нём Кате. Но только после обеда ей удалось уйти из дому.

Марья Васильевна не любила отпускать Лиду. Она говорила, что при каждом выстреле умирает от страха за детей, если они не с нею. Кроме того, Лида обязана была смотреть за Петей.

Но после обеда Петя, к счастью, уснул у себя на сундучке, и обстрела не было. Сказав матери: «Я сейчас», Лида торопливо выскочила за калитку, чтобы Марья Васильевна не успела передумать и задержать её. Быстро побежала она по улице, поглядывая на море, блестевшее за стволами тополей и каштанов.

В этом городе море было видно отовсюду, — из всех окон, из всех садов, со всех балконов, крылечек, мостовых. Весь город был расположен на крутом склоне, спускавшемся к морю. Морской ветер, лёгкий, солёный и тёплый, шевелил пыльные листья деревьев и кустов, шуршал жёлтой, выжженной солнцем травой. По извилистым улицам, бегущим вверх и вниз, с бешеной скоростью неслись к фронту зелёные военные грузовики. Многие из домов были разрушены снарядами, — они стояли с пустыми впадинами окон, вырванными дверьми, без крыш, и склон, покрытый этими развалинами, был издали похож на соты.

Особенно сильно разрушена была нижняя часть города, у берега, возле мола. Этот мол тоже был виден отовсюду, — светлой узкой полоской далеко врезался он в море. О него разбивались волны, и белая пена кипела вокруг. Когда-то под защитой этого мола стояло много судов, больших и маленьких. Но теперь там было пусто. И всё море, насколько мог видеть глаз, было пустынно, — вплоть до далёких синих гор противоположного берега, еле видных и похожих на облака. Там, на том берегу, теперь были немцы.

Лида обыкновенно встречалась с Катей в большом саду, за домом сапожника Дракондиди. Белый домик сапожника Дракондиди стоял на главной улице и был известен всем в городе благодаря большому жестяному сапогу, висевшему над дверью вместо вывески. Теперь сам Дракондиди был на фронте, жена его с детьми давно в отъезде, домик разбит снарядом, и только сапог висел попрежнему над вышибленной дверью. А сад за домом, всеми забытый и заброшенный, разросся так густо и дико, что стал похож на тропический лес.

Под жестяным сапогом Лида остановилась и осторожно оглянулась. Этого требовала Катя: входить в дом Дракондиди так, чтобы никто не видел. Конечно, никто не стал бы им мешать ходить сюда, и никому не было дела, куда они ходят. Но Кате нравились тайны. Такая уж она была девочка. Она всё вокруг себя превращала в тайны. Сад Дракондиди тоже был её тайной, и входить в него можно было только тогда, когда никто не видит.

Но главная улица была пуста, и Лида нырнула в дверь. Крыша с домика была сорвана, и вверху над Лидой голубело высокое небо. Птичка, вспугнутая Лидой, метнулась, влетела в пролом крыши и исчезла в вышине. Пройдя сквозь домик, Лида нырнула в сад, и он охватил её со всех сторон тенистой густой листвой.

Даже все тропинки успели зарасти. Лида шла осторожно, раздвигая руками колючие ветви. Море виднелось в просветах между листвой.

Лида нашла Катю на большом камне, вывалившемся из разбитой стены. С камня было видно всё море, от края до края. Катя, чёрненькая, худенькая, босая, стояла на камне и смотрела в море не отрываясь, не шевелясь.

Когда Лида подошла к ней, она даже не повернула головы.

— Это ты? — спросила она спокойно. — А я думала, ты уехала.

Лида, задыхаясь от волнения, рассказала, как утром у себя на дворе они нашли раненого краснофлотца, как он только на мгновенье пришёл в себя, а потом опять впал в беспамятство и как он лежит сейчас на кровати.

— Ему плохо, очень плохо, так плохо, что доктор даже не позволил нести его в госпиталь. Понимаешь, его нельзя шевелить, нельзя трогать. За нами заехала машина, чтобы везти нас на станцию, но как же оставить его одного в пустом доме? Мама сказала, что мы не поедем...

Катя молчала, не проявляя ни любопытства, ни удивления. Она попрежнему смотрела на море. Казалось, она даже не слушала.

Но Лида знала, что Катя не любит ничему удивляться. Такое уж было у Кати правило: никогда не показывать, что она взволнована или удивлена. Она только равнодушно спросила:

— Он сказал вам что-нибудь?

— Сказал.

— Что?

— «Передайте Королькову: когда свет горит она в бухте». Но это он бредил.

— Ага.

И Катя замолчала, внимательно глядя на море.

Морской охотник

Лида поняла, что нужно заговорить о другом. Тогда Катя сама начнёт расспрашивать о раненом краснофлотце.

И Лида спросила:

— Что ты там видишь?

— Катер.

Лида напряжённо вглядывалась в морскую даль, туда, куда смотрела Катя, но ничего там не видела, кроме узкой белой полосочки, быстро передвигавшейся. И только сейчас она поняла, что эта полосочка — пенистый след крохотного судёнышка, которое стремительно мчится там, вдалеке.

— Ну и глаза у тебя! — сказала Лида.

— Обыкновенные глаза, — ответила Катя. — Я просто приучила их смотреть на море. Если приучить свои глаза, будешь видеть на море всё.

— Когда же ты приучила свои глаза?

— Когда командовала крейсером «Победитель».

— Ты командовала крейсером «Победитель»?

— Да, когда я жила там, на том берегу.

И Катя показала на далёкие горы противоположного берега, словно висевшие в воздухе. Всё самое необычайное, что Катя рассказывала Лиде, происходило с ней, по её словам, когда она жила на том берегу.

— Этот крейсер был не настоящий? — спросила Лида робко.

— Конечно, не настоящий, — сказала Катя. —

Это было одно такое место, которое я называла крейсером «Победитель». Про это место никто не знал, кроме меня.

— Какое же это было место?

— Пещера.

— Пещера?

— Ну да. Я полезла в горы над морем и вдруг открыла пещеру. Перед входом в эту пещеру — выступ, вроде каменной площадки, и висит он прямо над морем. Если смотришь оттуда вниз, ничего, кроме воды, не видишь. Кажется, будто стоишь на мостике огромного корабля и плывёшь, плывёшь... Это и был мой крейсер. В пещере я устроила капитанскую каюту, принесла туда компас, карты; они, наверно, и до сих пор там. Оттуда, с мостика моего крейсера, я смотрела на море и вот научилась...

— Теперь я тоже хорошо вижу катер, — сказала Лида. — Он идёт сюда.

Действительно, катер приближался увеличиваясь. Два белых бурунчика, справа и слева от него, сияли на солнце.

— Это «Морской охотник».

— А за кем он охотится?

— За подводными лодками.

Теперь катер был отчётливо виден, — голубой, с двумя тонкими радиомачтами, с флагом на корме. Он нёсся так быстро, что казалось, вот-вот выскочит из воды. Курс он держал прямо на самый конец мола.

— Сейчас немцы начнут стрелять, — сказала Катя. — Они всегда открывают огонь, когда какое-нибудь судно подходит к молу.

И едва она произнесла эти слова, как раздался сначала отдалённый выстрел, потом протяжный и противный вой летящего снаряда и грохот взрыва. Снаряд упал в море перед городом, подняв столб ослепительно белой пены, смешанной с бурым дымом.

На катере, казалось, ничего даже не заметили. Но опять выстрел, опять вой, опять грохот взрыва, и возник новый столб пены и дыма — гораздо ближе к катеру. Катер словно подскочил, — так он рванулся вперёд. Он теперь шёл самым полным ходом. Но третий снаряд разорвался ещё ближе.

Катер круто свернул вправо.

Немцы перенесли огонь правей. Катер свернул влево. Так он нёсся зигзагом, кидаясь то вправо, то влево, среди всё новых столбов пены и дыма.

Увлекательно и жутко было следить за этой игрой в пятнашки со снарядами. Когда снаряд взрывался близко от катера, Лида хватала Катю за руку. Когда снаряд разрывался от катера далеко, они обе смеялись.

Кидаясь из стороны в сторону, катер упорно приближался к берегу, к молу. Снаряды тоже стали ложиться ближе к берегу, а один разорвался даже на самом берегу, оглушительно прогрохотав и взметнув высокий столб пыли. Лида внезапно вспомнила о маме.

— Мне надо итти, — сказала она.

— Постой!

— Нет, мама будет беспокоиться.

— Твоя мама всегда беспокоится, — сказала Катя насмешливо. — Она, говорят, сама называет себя трусихой.

— Да, она не скрывает.

— Всем известно, что когда ты ходила купаться, она привязывала к твоей ноге верёвочку, сидела на берегу и держала эту верёвочку, чтобы ты не потонула.

— Ну, это давно было, — сказала Лида.

— Говорят, она и сейчас такая же. Погоди, чуть катер подойдёт к молу, они не будут его видеть и перестанут стрелять.

И действительно, едва катер зашёл на мол, обстрел разом прекратился. В наступившей тишине снова стал слышен шелест листьев, треск кузнечиков в траве, мерный гул прибоя, и все эти звуки после грохота, свиста и воя показались особенно милыми.

— Всё-таки я пойду, — повторила Лида. — Я обещала маме.

— Постой! Я хотела спросить тебя...— сказала Катя.— О чём это я хотела тебя спросить?

Она сделала вид, будто забыла, о чём хотела спросить, и задумалась. Лида молча ждала.

— Да, да... Так что вам сказал раненый краснофлотец? — спросила Катя.

Наконец-то! Значит, рассказ о раненом краснофлотце она всё-таки запомнила.

Надо передать Королькову

— «Передайте Королькову: когда свет горит, она в бухте», — повторила Лида.

— Замечательно. Тут вся его тайна.

Лида засмеялась.

— Почему, пока ты не поступила к нам в школу, я никогда тайн не видела, а теперь, когда я с тобой подружилась, всё тайны да тайны?

— Ты не видела, потому что видеть не умела, а я сразу чувствую тайну, — сказала Катя.— Кто такой Корольков?

— Не знаю.

— А какой свет горит?

— Не знаю.

— А кто «она»?

— Не знаю.

— А что за бухта?

— Откуда я могу знать?

— Видишь, сколько здесь тайн, — сказала Катя.

— А ты уже отгадала хоть одну? — спросила Лида.

Ей уже самой стало казаться, что вдруг в этих словах и вправду есть тайны.

— Пока ещё не отгадала, — ответила Катя откровенно. — Но знаю, с чего начать.

— С чего начать?

— Начать надо с Королькова. Прежде всего надо узнать, кто такой Корольков. Надо найти Королькова и передать ему. И Корольков всё поймёт.

— Как же ты найдёшь Королькова?

— Увидим.

Больше Катя ничего не сказала. И Лида ушла домой.

(Продолжение следует.)

РАЗГОВОРЧИВЫЕ ПТИЦЫ

С тех пор, как в «Мурзилке» был напечатан рассказ про ворона Пимена, пришла целая куча писем. Ребята спрашивают, как научить птицу говорить. Одна девочка поднимает даже такой вопрос: нельзя ли научить говорить ежа? Что же, ёж глупее вóрона, что ли?

Чтобы разобраться в этом, начнём вот с чего.

Когда дрессируют животных, всегда стараются приучить их к тому, к чему у них есть от природы склонность. Зайца легко заставить играть на барабане: он и дикий любит стучать лапами. Собаку нетрудно выучить «служить»: ей и самой нравится становиться на задние лапы.

Поэтому понятно, что выучить «разговаривать» можно тех животных, у которых есть природная склонность подражать звукам. Сильнее всего эта способность у попугаев, у родичей нашей вороны — вòронов, галок, сорок, скворцов. Это птицы умные, смелые, бойкие и к тому же великие «дразнилы».

Я лично знал одного совершенно дикого скворца, который от нечего делать так навострился ржать, подражая попавшему в беду жеребёнку, что буквально сводил с ума заботливую кобылицу-мать. Начни учить такого скворца — он, несомненно, будет отличником!

Однако тот, кто хочет этим серьёзно заняться, должен вооружиться терпением, как, впрочем, и всякий учитель.

Поступать в этом случае надо так.

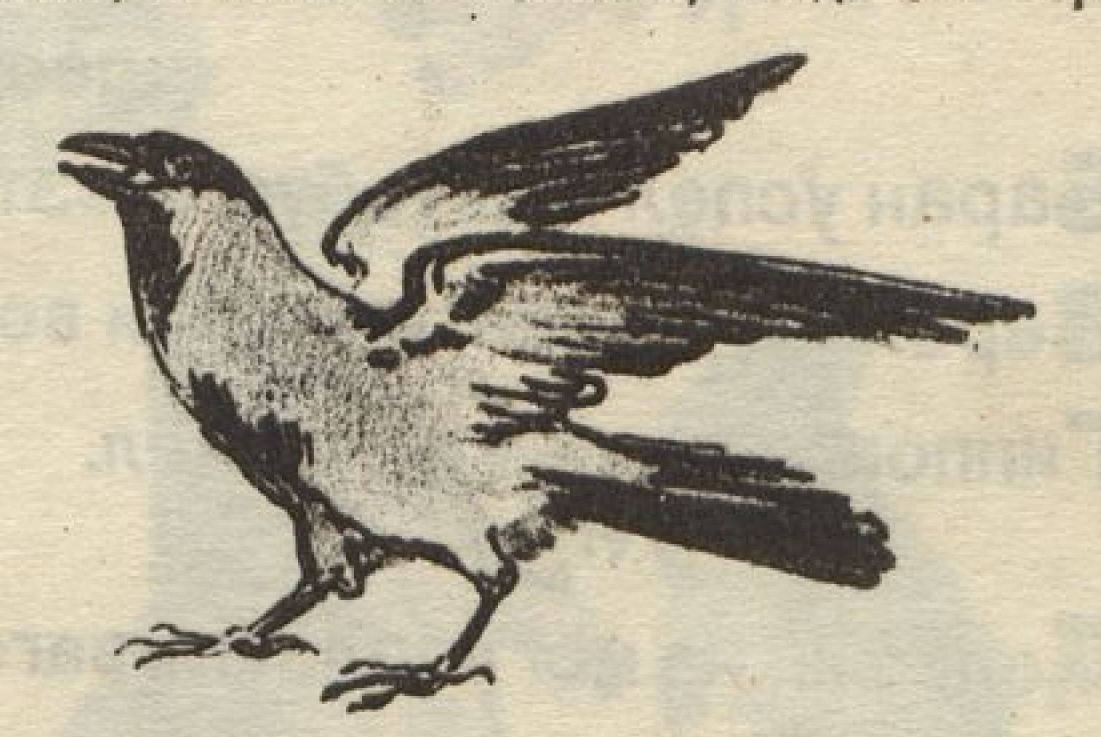
Если у вас есть молодая, но уже вполне взрослая птица, если она здорова и весела, приготовьте для неё удобную клетку. С наступлением вечера, перед тем как птица засыпает, поймайте её, посадите в клетку и отнесите в тихую комнату (лучше — в полутёмную). Накройте клетку тёмным тонким платком, сядьте рядом и, когда ученица ваша успокоится, начинайте неторопливо, ласково, ясно и раздельно повторять одно и то же слово.

Разумнее всего подобрать для начала такое слово, которое больше походит на звуки, издаваемые этой птицей. Галку удобно учить говорить: «Галя, Галя». Ворон легче и скорее приучается к словам со звуком «р»: «Караул!», «Здравствуй!», «Вòрон!», «Грабят!» Скворца, пожалуй, стоит начать учить какой-нибудь коротенькой песенке, насвистывая её. Один способный скворец у меня без всякого принуждения сам научился свистать начало романса: «Я помню чудное мгновенье».

Выбранное слово менять нельзя. Произносите его минут десять подряд. Птица ваша, вероятнее всего, к концу первого урока заснёт, не ответив вам ни звуком. Ничего, это так и надо.

Назавтра говорите с ней точно так же уже тринадцать минут, послезавтра — шестнадцать. И так прибавляйте по три минуты до тех пор, пока дойдёте до получаса.

На котором-нибудь уроке вы заметите, что ученица начинает, засыпая, бормотать что-то себе под нос, покрикивать, отвечать вам. Нельзя, конечно, с точностью сказать, когда она обрадует вас решительным успехом: это, как и всегда, зависит от её способностей. Но если вы будете настойчивы и упорны, вы добьётесь своего.

И почти наверное вы будете удивлены и даже испуганы, когда в один прекрасный день из-под тряпки вам вдруг крикнут нечеловеческим голосом: «Карраул! Гррабят!» или что-либо в этом роде. Тогда можно уроки прекратить. Но некоторое время надо продолжать твердить то же слово — уже на свету, в любое время дня. А когда оно закрепится окончательно, можно переходить к другому. Да, впрочем, большинство птиц, раз овладев искусством подражания, начинает «изучать» русский язык самостоятельно, без учителя. Услышит какое-нибудь слово и затвердит его. И вам ещё придётся сердиться, что птица повторяет и те ваши слова, которые вы не хотели бы говорить при посторонних, и придётся самим отучаться от этих слов.

С. МАРШАК

АВТОБУС

Автобус номер двадцать
шесть.
Баран успел в автобус влезть,
Верблюд вошёл, и волк, и вол,
Гиппопотам, пыхтя, вошёл.

Дельфин не мог вползти в вагон,
Енот не может выйти вон.
Жираф как дёрнет за звонок!
Змею он принял за шнурок.

Индюк спросил: «Который
час?»
Козёл сказал: «Не слышу вас».
Лиса сказала: «Скоро семь».
Медведь сказал: «Я всех вас
съем!»

НОМЕР 26

Рис. В. ЛЕБЕДЕВА

АЗБУКА

Навозный жук жужжит:
«Боюсь!»
Орёл сказал: «А ты не трусь!»
Петух пропел: «Какой герой!»
Рысь проворчала: «Рот
закрой!»

Свинья заспорила с ежом,
Тюлень поссорился с моржом,
Удав кольцом сдавил свинью,
Фазан забился под скамью.

Хорёк за хвост цыплёнка —
хвать!
Цыплёнок бросился бежать,
Червяк подумал, что за ним,
Шмель прогудел ему: «Бежим!»

Щегол уселся на окно,
В**Ы**пь говорит, что ей темно,
Эму сказал: «Закрыл он свет!»
Юрок и дрозд сказали: «Нет!»

Як промычал, пройдя вперёд:
«Автобус дальше не пойдёт!»

Прочтите сказку эту, дети,
Расскажет весело она,
Какие звери есть на свете
И как писать их имена.

Когда в автобусе мы едем
Или в вагоне под землёй,
Не будь ежом, не будь медведем,
Не будь удавом и свиньёй!

Тёплый хлеб

К. ПАУСТОВСКИЙ *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, — ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под козырька картуза посматривали на всех быстрые чёрные глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам, побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь — ничей, а вернее — общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь — раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!» Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Иди сам!» Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!»

Зима в тот год стояла тёплая. В воздухе висел серый дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молоть хлеб, — хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и, сопя, жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя! Дьявол!» крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

— На вас не напасёшься, на попрошаек! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это, или ничего такого и не было.

Слеза скатилась у коня из глаза. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах запел, завыл, засвистел пронзительный ветер, задул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца — так уж мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворешни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: «Да ну тебя!» и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рёв Филька слышал тонкий и короткий свист, — так свистит

конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видал, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые брёвна в стенах, и они трещали и лопались.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы, и теперь их ждёт неминучая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна. Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

— Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, — говорила бабка. — Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы, семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля, и обегал её стороной всякий зверь — боялся пустыни.

— А отчего ж он стрясся, тот мороз?— спросил Филька.

— От злобы людской, — ответила бабка. — Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул об пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!» — «Мне хлеб с полу поднять невозможно, — говорит солдат. — У меня вместо ноги — деревяжка». — «А ногу куда девал?» спрашивает мужик. «Утерял я ногу на Балканских горах в турецкой баталии», отвечает солдат. «Ничего! Раз дюже голодный — подымешь,— засмеялся мужик.— Тут тебе камердинеров нету». Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит — это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул — и враз сорвалась метель, пурга, буря, закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз, и мужик тот помер.

— Отчего же он помер? — хрипло спросил Филька.

— От охлаждения сердца, — ответила бабка. Помолчала и добавила: — Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

— Чего ж теперь делать, бабка? — спросил Филька из-под тулупа. — Неужто помирать?

— Зачем помирать? Надеяться надо.

— На что?

— На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

— А как его исправить? — спросил, всхлипывая, Филька.

— А об этом Панкрат знает, мельник, — ответила бабка. — Он — старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да нешто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

— Да ну его, Панкрата! — сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землей и луной осталась одна пустота—жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы — каждая по сто лет — около мельничной плотины поседели от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колол Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками, задыхался.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

— Садись к печке, — сказал он. — Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

— Да-а,— вздохнул Панкрат,— плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирая рукавом глаза.

— Ты брось реветь! — строго сказал Панкрат. — Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил — сейчас и рёв, но только в этом я смысла

не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать — неизвестно.

— Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? — спросил Филька.

— Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошадью — тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и тебя простит. Понятно?

— Понятно, — ответил упавшим голосом Филька.

— Ну вот и придумывай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила пёстрая сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте — подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверью. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом, и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в Осиновом яру высунула морду из норы, повела носом, увидела, как тёмной тенью понеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

— Ну, — сказал наконец Панкрат, затаптывая махорочную цыгарку, — время твоё вышло. — Выкладывай! Льготного сроку не будет.

— Я, дедушка Панкрат, — сказал Филька, — как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни, топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу. Повернёшь колесо двадцать раз, она и разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

— Ишь, ты, шустрый какой! — сказал мельник. — Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

— Да ну его! — сказал Филька. — Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

— А ежели замёрзнете?

— Костры будем жечь.

— А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват — пусть сам лёд и скалывает».

— Согласятся! Я их умолю, дедушка. Наши ребята — хорошие.

— Ну валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце всегда восходит багровое, косматое, в тяжелом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы, и никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменилась погода, ветки ив уже оттаяли, и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом. Ветер дул с юга, с каждым часом становилось всё теплее, с крыш уже сваливался подтаявший снег, падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех и снова обсыхали на трубах, толкались и каркали. Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру. Когда от теплоты лёд начал таять, оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упросила его прогнать этот мороз, помочь людям.

Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит талая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока — самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили — покаркали только между собой, что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или все это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали — и в мельничный лоток хлынула с шумом вода. Старое колесо скрипнуло — с него посыпались сосульки — и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, ещё быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила хо-

дуном и пошла стучать, скрипеть, молоть зерно.

Панкрат сыпал зерно, а из-под жерновов лилась в мешки горячая пушистая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам уже кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах, — ребята, кошки, даже мыши, — всё это вертелось около хозяек, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться и стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи, не давал им ни на минуту остановиться, перевести дух, и потому по земле неслись вперемежку то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николка держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

— Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?

— Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это — раненому коню. От Фильки. Помирить мы их обоих хотим.

— Ну что ж, — сказал Панкрат. — Не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат открыл ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай: испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

— Не пужайся, Мальчик! Филька — не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял наконец хлеб из руки Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слёзы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и что-то сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой, но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала, как настоящий пулемёт.

ЗАГАДКА

Вдруг из чёрной, непроглядной темноты
В небе выросли волшебные кусты,
А на них — зелёные, пунцовые,
Голубые, золотые, бирюзовые —
Распускаются огромные цветы.
И когда в небесах появляется
Этот радостный огненный сад,
Вся Москва, как дитя, улыбается
И снега под ногами горят.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ЯНВАРЬ

РЕДАКТОР—ВИТ. БИАНКИ ИЗДАТЕЛЬ—«МУРЗИЛКА»

МЕСЯЦ ЗИМНЕЙ СПЯЧКИ

СОЛНЦЕ—НА ЛЕТО, ЗИМА—НА МОРОЗ

Зимовики

За десять дней до Нового года — 22 декабря — у нас самая длинная ночь. Потом с каждыми сутками ночь начинает убывать, а день прибывать.

Пришёл Новый год, и дня прибыло уже на воробьиный скок. Всё чаще теперь будет выглядывать солнце, светить всё теплее и ярче. Воробьишки будут задорно скакать по улице и чирикать — кричать, что уже весна. Глупышки! Пойдёт снег, и они первые нахохлятся, попрячутся под крыши, по застрехам.

Солнце — на лето, зима — на мороз. Много ещё выпадет снега, много ещё будет вьюг и буранов, и всё крепчают морозы.

Держись, зимовики!

Кто где спит

Хорошо перелётным: за горами, за морями, куда они улетели, нет зимы. И у нас не пропадут те, кто остался зимовать.

Кто мог, завалился спать до весны.

Рассмотри эту картинку — и увидишь, кто где устроился.

Лёд на реке — только крыша. Попрежнему течёт под ним вода. Река — дом рыбам, рачкам, ракам, улиткам, червям, насекомым и другой водяной мелочи.

Чем ближе ко дну, тем вода теплее. В ямах на дне, в омутах вода теплее всего. Видишь: в омут и забились рыбы, лежат грудой.

Раки забились в норы под берег.

Лягушки, рачки, насекомые разные да и рыбки некоторые закопались в тину.

Улитки закрыли дверцы своих домиков и спят в них на дне.

А в одну пустую раковину залез водяной паук — серебрянка, натаскал туда себе пузыриков,— ему и хватит воздуха до весны.

Подо льдом же вход в норку водяной крысы. Спальня у неё на берегу под деревом. Тут же кладовочки с зерном и сладкими корешками, запасёнными ещё с лета. Другой выход вверх — под куст. Хочешь — в воду выходи, хочешь — в луг.

Спит Михайло Иваныч Топтыгин в своей берлоге. Берлогу себе он с осени сделал:

постелил корья в яму, вокруг берлоги ёлочки надкусил. Ёлки вершинками склонились над берлогой — вот и крыша шатром. Залёг ещё до снега, а теперь и не найдёшь берлоги: сугроб, как сугроб.

И у ежа берложка: гнездо из сухой травы между кочками под кустом.

И у белки гнездо — тёплое, из мха, высоко на дереве. Ну, да белка не всё время спит: проголодается, по лесу прогуляется, шишечных семечек наестся — и назад в гнездо или в дупло.

Ещё выше в лесу, в дуплах старых деревьев, спят летучие мыши. Вот уж эти ни разу за всю зиму не проснутся, хоть и спят вверх тормашками, головой вниз.

И сердце у них чуть-чуть бьётся — делает только девять ударов в минуту. А летом колотилось так, что только поспевай считать: четыреста ударов в минуту!

И градусник им, сонным, ставили зимой: совсем низкая температура, пять градусов всего.

Интересно, какая температура сейчас у Михайла Иваныча? Он ведь тоже спит всю зиму не просыпаясь. Тоже, верно, у него ниже температура, чем летом?

Градусник-то мы достали. А вот кто хочет в берлогу слазить, поставить его медведю подмышку?

Мы напечатаем целую статью в «Лесной газете» об этом смельчаке.

Кто не спит

А не спят те, кто и лютой зимой умеет еду себе промыслить.

Не спят птицы. Кровь у них очень горячая, и нельзя им спать долго: застынут — умрут.

Целыми днями прыгают по дороге воробьи, овсянки, голуби: подбирают зёрнышки. Вертлявые синицы, поползни, пищухи крутятся по ветвям деревьев, в каждую скважинку норы заглядывают; острыми

клювами, как шильцами, вытаскивают запрятавшихся туда насекомых, их личинки и яички.

Изумрудно - голубой зимородок не боится ледяной воды: в прорубь ныряет за мелкой рыбёшкой.

Крестоносым клёстам круглый год на елях и соснах стол и дом: они из шишек семечки вылущивают. Перелетают из леса в лес: ищут, где лучше урожай шишек.

А совы — те даже рады зиме: пух у них теплейший, никакой мороз его не проймёт, а ночи зимой длинные. Им и любо: летай да охоться! Некоторые совы даже в запас себе мышей промышляют.

В дуплах у них кладовые. А в холод мясо, известно, не портится.

Много зимой и зверей бродит по лесу: рогатые олени, лоси, козули; прыгают зайчишки, рыщут волки. Лисица зимой в поля мышковать выходит: в полях больше мышей, полёвок. А волки с голодухи даже в деревни и города заскакивают,— береги зимой собаку: мигом утащат!

Хищные куницы, хорьки без отдыха охотятся всю зиму. Соболи, горностаи, крошечные ласки даже под снегом себе ходы устраивают, чтобы, неожиданно вынырнув наружу, схватить ничего не подозревающую куропатку или зайчонка.

Держись, зимовики! Зимы ещё много впереди.

Телеграммы. Объявления

ИЗ-ПОД МОСКВЫ

Редактору «Лесной газеты»

Сообщите, где спит зимой крот. Мы разрыли снег, раскопали кротовую нору. Она оказалась пуста. Хозяин куда-то ушёл.

ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ. Неизвестно куда пропала наша белоснежная полярная сова. Мы её больше не встречаем. Посылаем снимок. Не встретил ли её кто у вас?

Рисунки к «Лесной газете» рисовал **А. КОМАРОВ.**

ИЗ ТУНДРЫ. Потерялся наш тундряной жаворонок. Он с рожками. Вот такой: Нашедшему—вознаграждение.

С КАВКАЗСКИХ ГОР. Сбежал дикий кабан. Премия тому, кто укажет его местонахождение сейчас.

РЕДАКТОРУ «ЛЕСНОЙ ГАЗЕТЫ»

А пока ты печатал свою газету, я без ключа забрался в твою квартиру, пролез в твой письменный стол и кушаю твои бумаги.

Хи-хи! Очень вкусно.

С почтением

ПРИТВОРЯШКА-ВОР

От редакции «Лесной газеты»

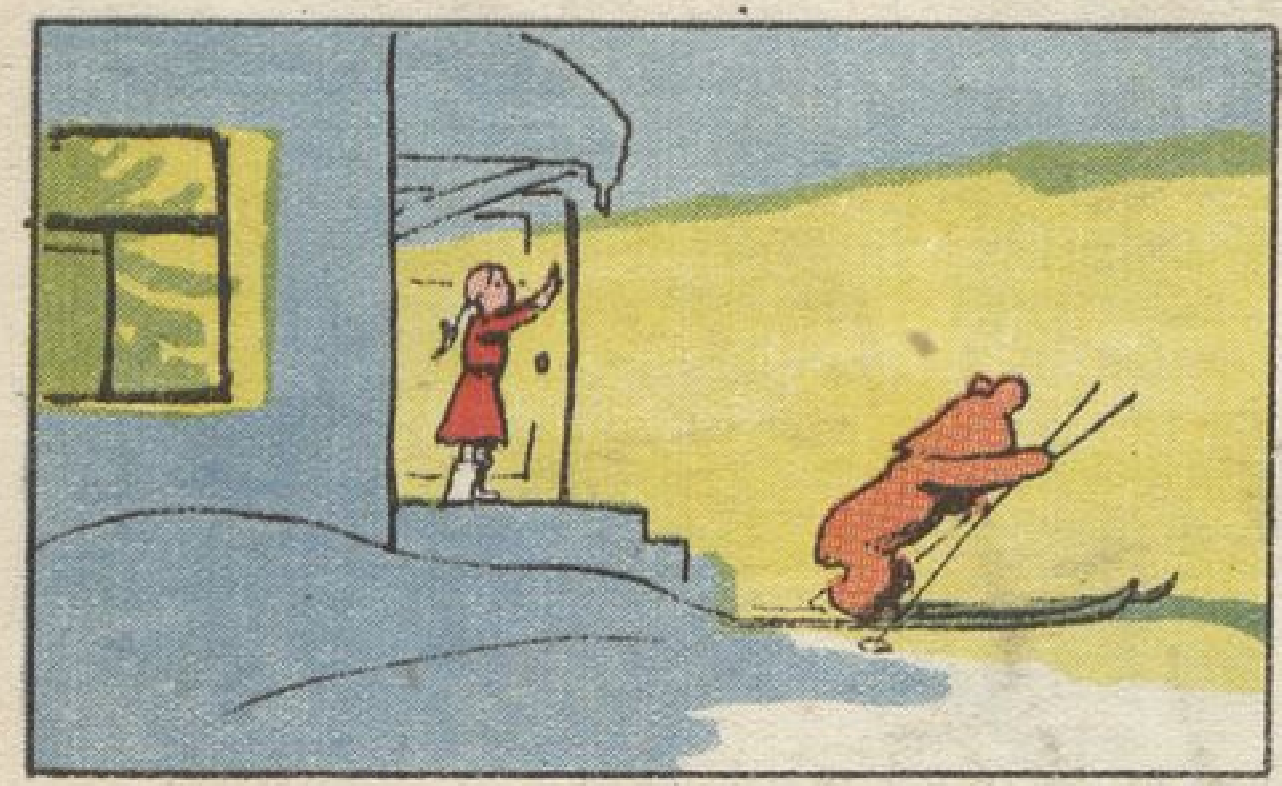
Всех наших читателей, устроивших у себя в саду или на окне кормушки для птиц, просим сообщить в редакцию, кто прилетает к ним. Прилагайте точное описание птиц и рисунки.

Ответы в следующем номере.

ТОПТЫЖКА

Рис. А. КАНЕВСКОГО

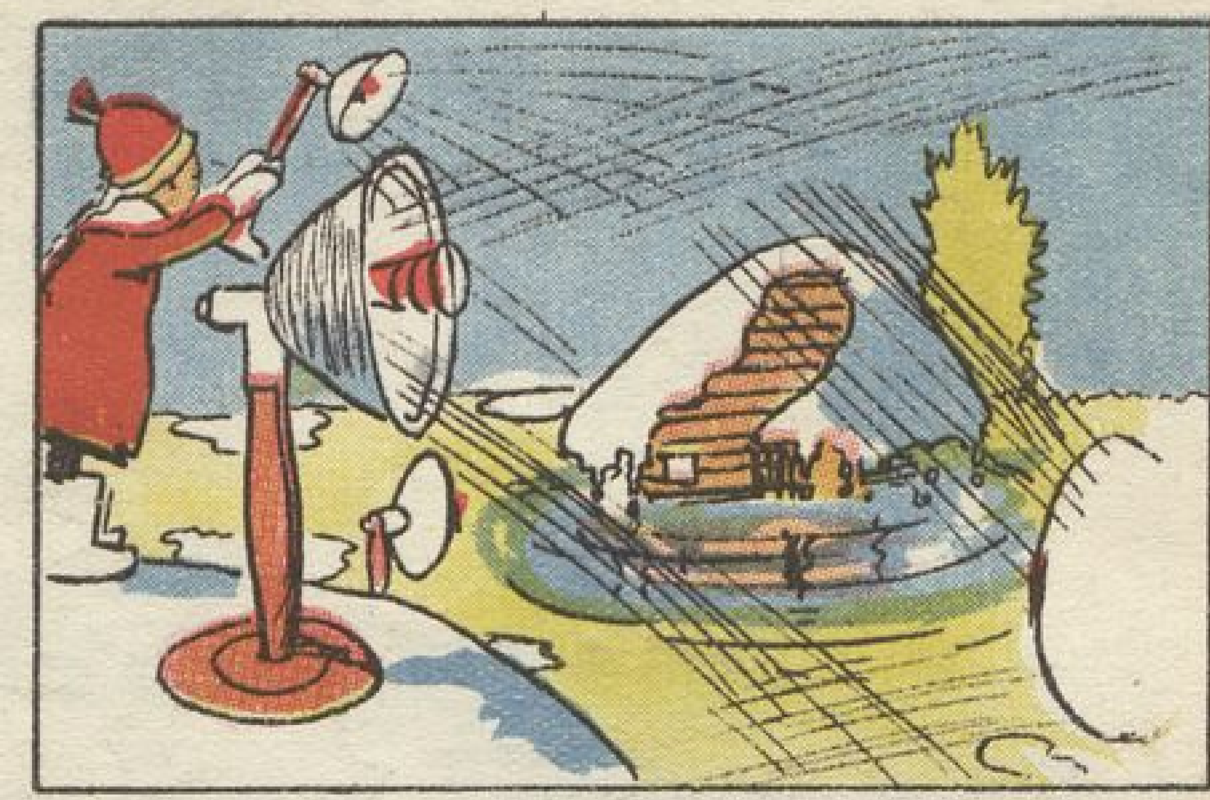
1. Кончился весёлый праздник. Погасла ёлка. „Ну, теперь прощай до весны, — сказал Топтыжка Маше. — Мне спать пора“.

2. Проснулась на другой день Маша. Скучно ей без Топтыжки. И пошла она его искать.

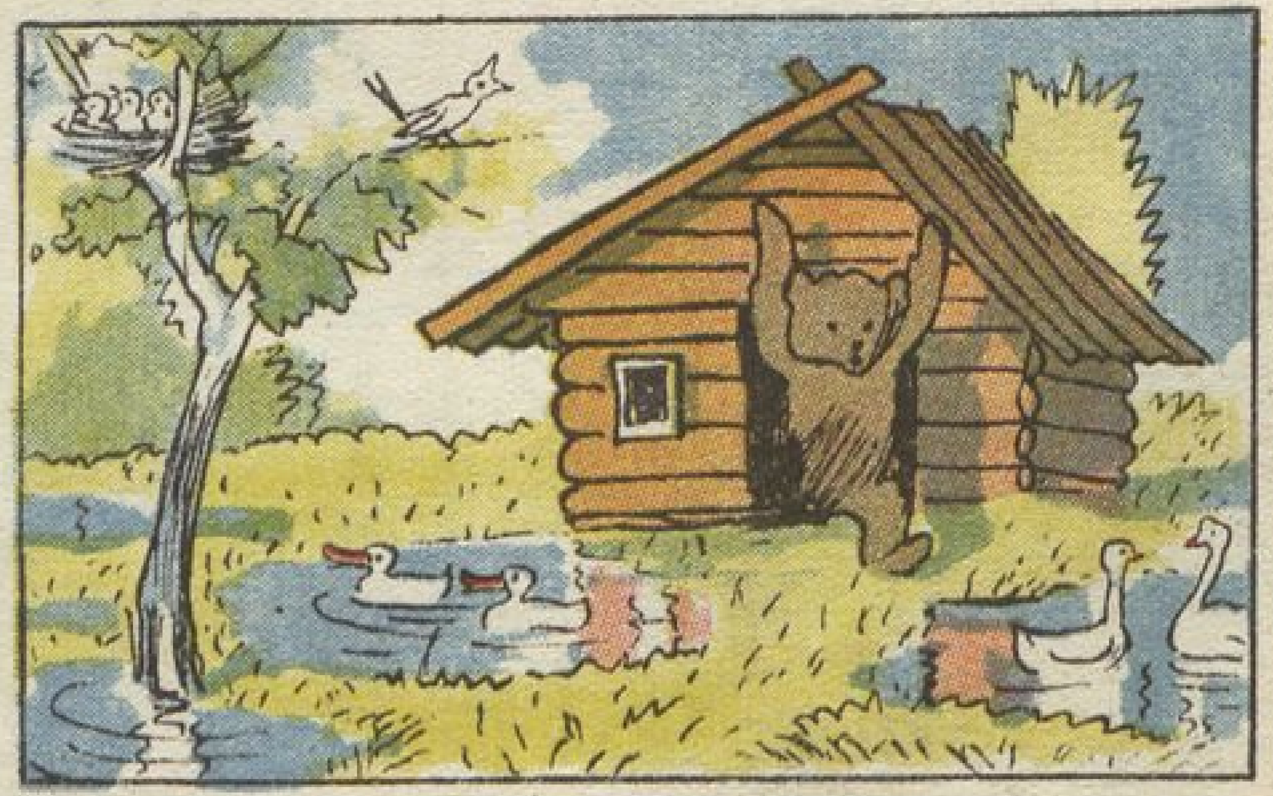
3. А Топтыжка лежит в своей берлоге, сладко посапывает.

4. Думала-думала Маша, как ей разбудить медвежонка, и придумала.

5. „Весна пришла“, решили птицы. И полетели на родину.

6. Тут и Топтыжка не выдержал, проснулся.

Рис. на обложке П. Алякринского

Год издания двадцать второй Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-48-23. Подписано к печати 23/XII 1944 г. А11666. Объем 2,5 печ. л. 2,3 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 661.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.